

Глава 110. Бытовые проблемы.

Разумеется, Ронни не добежал. В отличие от своих не сдвинувшихся с места братьев, Рон не удосужился прочитать или каким-либо другим способом узнать: что именно грозит их младшей сестренке. А состояние «адорат» было воистину тяжким наказанием. Список того, чего не могла сделать адорат по приказу своего хозяина, был очень и очень короток: она не могла лечь в постель с другим и не могла своим действием или бездействием допустить, чтобы хозяину был причинен вред, и не могла освободиться. Причем это «не может» было осуществлено отнюдь не страхом наказания, который можно так или иначе преодолеть. Нет. Адорат именно не могла даже помыслить о нарушении этих запретов, так же как и не могла подумать о том, чтобы не повиноваться господину, не могла выдать доверенные хозяином тайны, даже после того, как срок ее пребывания в данном статусе закончится. С другой стороны любое нарушение законов, совершенное адорат — считалось совершенным ее хозяином. Любое оскорбление, допущенное адорат — считалось исходящим от хозяина. В общем, в отличие от раба, который все-таки оставался человеком, адорат становилась по сути вещью, не имеющей собственной воли*. И именно страшная тяжесть такого наказания и привела к тому, что этот закон Кодекса крови оказался забыт задолго до того, как канули в забвение остальные Кодексы. Ведь обрушить этот закон на возможно виновных мог только пострадавший. А обречь на такое ту, по отношению к кому действует приворот... это надо обладать железной волей... или быть демоном. Джинни не повезло.

/*Прим. автора: даже самые жесткие системы рабовладения, объявляющие рабов «двуногим скотом» все-таки предполагали наличие у раба собственной воли. «Имеющий раба — имеет врага». Положение адорат такого не предполагает. Даже положение Поверженного в чем-то легче: Поверженный не может сопротивляться приказу... но сам приказ и понятие «пользы господина» способен трактовать в очень широких пределах, что и показала история Доротеи Сенжак*/

Не повезло и Рону. Пробегая мимо сестры в сторону ненавистного Поттера (то есть — меня) он получил удар каблуком в колено. Это было больно. Очень больно, и очень неожиданно. Так что рыжий мальчишка во весь рост растянулся у камина, и на его спину опустилась тяжелая нога. А уж как удержать упавшего противника в таком положении и не дать ему подняться — это я умел хорошо, и Силы для этого требовалось совсем немного.

— Спасибо, Джинни. — Обратился я к девочке. — Новый пуфик для ног удивительно гармонирует с обстановкой.

— Ты... гад... — Прохрипел Ронни из-под ног. — Я ведь тебе... мантию... дал... а ты...

— Эй, Ронни, — иронично осведомился я, не спеша убирать ногу. — А ты не забыл, что мантия вообще-то моя, и я ее тебе дал для вполне определенного дела, а вернул ты ее мне почти через год, и то три раза напоминать пришлось?

Остававшиеся на ногах трое старших Уизли подошли поближе. При этом близнецы демонстративно держали руки ладонями ко мне, показывая что у них нет палочек, а Перси в ярости сжимал кулаки.

— Поттер! Отпусти его! — Начал с наезда староста Дома Гриффиндора.

— Я-то может и отпустил бы... — Я пожал плечами... не убирая ноги. — Но он же снова в драку кинется. И магия Хранителя Справедливости заставит Джинни драться с ним. А Джинни, хоть и адорат, но она — МОЯ адорат. Я не считаю, что обязательство защищать действует только в

одну сторону. И тот, кто попытается насмешничать над ней из-за тяжелого положения, в которое она попала — получит от меня. Мало не покажется.

Крохотный, милый и пухнастый огонек на моей руке взревел, и окутал мои плечи аурой Пламени глубин, багрового огня Удуна. Челюсти всех присутствующих, кроме Рона (его челюсть и так не отрывалась от пола) попадали, когда через эту яростную завесу без труда прошли тоненькие девичьи пальчики.

— Успокойся, Гарри. — Тихо, но отчетливо произнесла Миа, поглаживая мои плечи. — Никто не собирается обижать НАШУ Джинни. Ведь так, мальчики?

Мальчики судорожно закивали головами. Даже Ронни. Так что пришлось столь замечательный пуфик отпустить: слишком большую роль он играет в моих краткосрочных планах.

Поднявшись, шестой Уизли злобно зыркнул на меня, но промолчал под взглядами близнецов.

— Гарри... — обратился ко мне Фред. — ... а как

— получилось это? — Поддержал брата Джордж, показывая на ошейник, охвативший шею сестры.

— Я думаю, лучше пусть об этом расскажет сама Джинни. — Я пожал плечами. — А то я тоже пока не все понимаю.

Из-за спины плещет любопытство Миа. Она, кстати, так и не отпустила меня, хотя охватившее нас пламя моей ярости уже погасло. И я старательно «не обращаю на это внимания». Джинни, с тоской посмотрев на нас, начинает рассказ.

— ... и тогда я коснулась камня, а он объявил, что я — адорат, и создал вот это. — Джинни провела рукой по узкой черной ленте ошейника. — Насколько я поняла, когда закончится действие приворота — он сам спадет.

Маму в своем рассказе Джинни не упомянула ни разу. Это радовало. Все-таки, верность семье, как это ни странно слышать от такого, как я — очень положительное качество.

— Да, Гарри, ты

— попал. — Обнадежили меня близнецы. — Но все-таки не

— обижай Джинни. Она

— хорошая, хотя и

— дура-дура

— временами

Я задумался. Как все-таки по-разному могут прозвучать одни и те же слова. В устах Артура «не обижай» — было проявлением слабости и трусости, а у близнецов — силы и заботы. Впору генетический анализ делать: я серьезно не понимаю, как у такого отца могли получиться такие сыновья? Или нынешнее состояние Артура — результат долгих лет совместной жизни с Молли? Но ведь и близнецы живут с родителями всю жизнь, и еще не успели сбежать из Норы как Чарли и Билли?

Пока я об этом размышлял, в гостиную Гриффиндора вошел Дамблдор.

— Гарри, мальчик мой, зачем ты так поступил? — Вопросил Великий Белый, глядя на меня добрым, всепрощающим взглядом. Я пожал плечами.

— Я хотел, чтобы никто больше не подумал воспользоваться таким способом... Но, честно говоря, я надеялся, что глава Визенгамота сумеет затянуть разбирательство до конца действия приворота. — Очки-половинки вспыхнули, когда Дамблдор услышал подтверждение того, насколько на самом деле совпадали наши планы.

— Как видишь, не все получается так, как мы планируем. — Крайне доброжелательным тоном обратился ко мне директор. — И теперь нам нужно решить, что делать с последствиями этой юношеской горячности. — Даже не оборачиваясь, я почувствовал, как Миа у меня за спиной залилась краской. Дамблдор еще польстил нам, не назвав произошедшее «детской выходкой». — К сожалению, Джинни теперь не сможет заснуть в комнате, где не будет тебя. Так что вам придется выделить отдельное помещение. Не селить же девочку в спальню мальчиков? Да у вас там и места нет для еще одной кровати. Только... Я хотел бы, чтобы кто-то из девочек составил им компанию, и побыл, так сказать, дуэньей для мисс Уизли. Я понимаю, что это тяжелая просьба, но вы же храбрые гриффиндорки...

— Я согласна. — Высказалась Миа. — Разумеется, мне не трудно побыть дуэньей для подруги, дабы предотвратить появление глупых и неуместных слухов, и не заставлять Гарри разбираться с их переносчиками. — Раздавшиеся было в гостиной смешки — немедленно стихли. — Но... профессор Дамблдор, объясните пожалуйста: почему Джинни не сможет заснуть в нашей спальне? Я читала закон об адорат — там ничего такого не сказано!

— О, это просто. — Улыбнулся директор. — Адорат не может допустить, чтобы вред ее мастеру был причинен даже ее бездействием. Так что, пытаясь заснуть в спальне для девочек, Джинни будет постоянно просыпаться, и рваться проверить — не случилось ли с Гарри чего плохого... Вот в результате — она просто не сможет заснуть. Честно говоря, я думаю, что такая трактовка закона была внесена в заклятье умышленно... Впрочем, вам еще рано думать о таких подробностях магической юриспруденции. А пока что... Я думаю, Минерва уже подготовила помещение для вас. Так что — идите в свои спальни и собирайте вещи. Будете переселяться.